

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА, ПЕРЕЖИВШЕГО
ТРИ КОНЦЛАГЕРЯ И КРУПНЕЙШЕЕ
КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ

Фрэнк Краке

Фрэнк Краке
Последний свидетель.
История человека,
пережившего три концлагеря и
крупнейшее кораблекрушение
Второй мировой
Серия «Феникс. Истории
сильных духом»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69193966

*Последний свидетель. история человека, пережившего три концлагеря и
крупнейшее кораблекрушение Второй мировой: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-186809-3*

Аннотация

Международный бестселлер – история человека, пережившего три концлагеря и крупнейшее кораблекрушение Второй мировой войны.

1943 год. Двадцатилетний нидерландец Вим Алозерий сбегает из трудового лагеря в нацистской Германии, прячась на крыше движущегося поезда. В попытке скрыться он живет на ферме, где

месяцами спит в деревянном сундуке, спрятанном под землей. Но и это ненадолго: под покровом ночи Вима захватывают и доставляют в тюрьму гестапо. Там начинается кошмар Холокоста. Ему предстоит пережить три концентрационных лагеря – сначала Амерсфорт, а затем Хузум и Нойенгамме. Однако самое страшное испытание ждет его в конце войны.

Вместе с другими узниками Вим оказывается на печально известном германском лайнере «Кап Аркона», попавшем под авиаобстрел Королевских ВВС. Британские истребители топят корабли, на борту которых находятся 7000 заключенных. Спасти удастся немногим, но Вим Алозерий выживает в одном из величайших кораблекрушений всех времен. И спустя много лет, в 94 года, он наконец решает рассказать писателю Фрэнку Краке свою невероятную историю. Как ее последний свидетель.

«Выдающаяся история... Захватывающее повествование, которое начинается как драма о безрассудном побеге во время войны, и быстро превращается в хоррор о бесчеловечности человека по отношению к человеку... Важное и незабываемое чтение». – Джонатан Димблби, писатель, историк, телеведущий

Содержание

Пролог	9
1	14
2	20
3	28
4	36
5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Фрэнк Краке
Последний свидетель.
История человека,
пережившего три
концлагеря и крупнейшее
кораблекрушение
Второй мировой

Frank Krake

THE LAST SURVIVOR: THE MIRACULOUS TRUE
STORY OF THE HOLOCAUST PRISONER WHO
SURVIVED THREE CONCENTRATION CAMPS

© Estate of Frank Krake, 2021

Published by arrangement with Sebes & Bisseling Literary
Agency and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency,
Sweden

В оформлении переплета использована иллюстрация:
Martin Novak, lassedesignen, o.hudzeliak, Chris Smithe,
HUANG Zheng, Dariusz Gora / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Estate of Frank Krake, 2021

© Новикова Т.О., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление

* * *

ПОСЛЕДНИЙ СВИДЕТЕЛЬ

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА, ПЕРЕЖИВШЕГО
ТРИ КОНЦЛАГЕРЯ И КРУПНЕЙШЕЕ
КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Фрэнк Краке

Москва
2023

Посвящается Джо

Пролог

Залив Любека, Германия, 3 мая 1945 года

Истребители появились с юга. Фосфорные бомбы и ракеты обрушились на огромный океанский лайнер «Кап Аркона», перевозивший пять тысяч узников концлагерей. Корабль мгновенно превратился в огненный ад. Немецкие зенитки не могли отразить атаку, треск пулеметов и непрерывные взрывы дополняли картину безумия. Истощенные узники тщетно пытались найти укрытие.

Виму нужно было действовать быстро. Он огляделся вокруг. Роскошный балльный зал был завален трупами и частями тел. Капающая кровь пятнала белоснежные панели и богато украшенные потолки. Повсюду метались солдаты. Мертвецки пьяные и охваченные слепой паникой, они стреляли во все, что движется.

Вим скорчился под столом и заставил себя мыслить трезво.

Через несколько минут «Тайфуны» исчезли так же быстро, как появились, и вокруг воцарилась потусторонняя тишина. Корабль сильно пострадал, но все же оставался на плаву. И вот раздались крики и стоны истекающих кровью раненых. Немецкие фольксштурмисты (именно им поручили охрану заключенных) выкрикивали команды. Большинство эсэсовцев сбежали еще предыдущей ночью.

Нужно было выбираться. Нужно было как можно быстрее покинуть корабль – Вим это отлично понимал. Он много месяцев провел в самом страшном немецком концлагере, в нечеловеческих условиях. Все, кто находился там рядом с ним, умерли от голода, болезней и жестокостей немцев. «Хузумский ад» – так называли они этот лагерь. А потом он работал до изнеможения в лагере Нойенгамме. Садисты-эсэсовцы придумали собственный девиз: *Vernichtung durch Arbeit*, то есть «Истребление через труд». Заключенные здесь погибали от изнеможения, отчаяния и царящего вокруг безумия. Он сумел выжить – и не спрашивайте как. Неужели его жизнь оборвется вот так, когда свобода уже совсем близка?

Он собрал всю волю в кулак. Ни за что!

Вместе с двумя немецкими заключенными Вим стал выбираться наверх, на палубу, на свежий воздух. Они были не единственными. Сотни людей давили друг друга, чтобы выбраться. Если, конечно, можно назвать эти скелеты в лохмотьях людьми. Они давили друг друга, прижимаясь к железному корпусу корабля. Корабль начал крениться и сильно нагреваться. Немецкие солдаты стреляли во всех, кто попал в перекрестье их прицелов.

А потом самолеты вернулись. Они не заметили поднятый капитаном белый флаг – да его и невозможно было разглядеть сквозь дым. Тонущий корабль вновь подвергся обстрелу. Взрывались бомбы, автоматные пули свистели вокруг Ви-

ма. Он подбежал к небольшой лесенке, бросился вниз через две ступеньки разом и укрылся под металлической платформой.

Весь дрожа, он одним глазом смотрел на происходящее сквозь железные поручни. На палубе царила та же безумная паника. Солдаты не переставая ругались и стреляли в воздух. Когда очередная атака стихла, он осторожно выбрался и осмотрелся. Море было покрыто трупами. В воздухе стоял запах смерти – этот запах был ему хорошо знаком с того момента, когда немцы впервые схватили его во время облавы, а потом начался путь по камерам пыток Амстердама и концлагерям Европы. В нацистской Германии были лагеря и без газовых камер, но они были не менее эффективны. Нечеловеческие условия жизни за колючей проволокой, и единственный выход – труба крематория. Десятки тысяч гражданских лиц были замучены и убиты, и воздух вокруг Нойенгамме на годы окрасился в серый цвет пепла и пропитался зловонием – таким стало наследие замученных жертв. Узники прибывали сюда из России, Нидерландов, Польши и Дании. Из Германии, Италии, Бельгии и Франции. По большей части это были молодые мужчины, в самом расцвете лет.

Виму удалось выжить. Он весил меньше сорока килограммов, но железная воля не позволяла сдаться и упасть. Войска союзников приближались с каждым днем, и тогда последних выживших погрузили в вагоны для скота и отправили на север, в последнюю часть нацистской Германии, где в царстве

ужаса господствовали СС. Этот путь многим стоил жизни.

Вим чувствовал, что палуба уходит из-под ног. Корабль содрогнулся – где-то внизу произошло несколько взрывов. Он смотрел на иссиня-серые волны, где среди трупов выжившие дрались за спасательные жилеты и фрагменты деревянной обшивки.

Солдаты выискивали в море выживших, которые один за другим уходили под воду. Приказ рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера был предельно ясен: «Ни один узник не должен попасть в руки врага живым».

Приказ есть приказ, и солдаты стреляли. Измученные узники, которым каким-то чудом удалось укрыться от пуль, становились жертвами ледяной воды. Мышцы их леденели, они медленно погружались на дно Любекского залива.

«Это были британцы! Британцы!» – стучало в висках Вима. Он узнал очертания «Тайфунов». Освободители, которых все так долго ждали, принесли истощенным узникам новые страдания и смерть.

Для британской авиации большой налет на немецкие суда стал колоссальным успехом. Они считали, что разбомбили корабль, на котором эсэсовцы и лидеры нацистской партии пытались бежать в Скандинавию. Известный и заслуженный командир 198-й эскадрильи Королевских военно-воздушных сил Джонни Болдуин, руководивший налетом, к этому времени уже сидел за триста километров от Любека вместе с другими английскими пилотами и попивал хо-

лодное пиво.

А на палубе пылающего «Кап Аркона» Вим все еще боролся за жизнь. Мысленно он вернулся к матери и сестре, которые остались в Амстердаме. Он должен увидеть их вновь, рассказать свою историю. Горячий воздух сжигал ему легкие.

Вим сделал глубокий вдох, закрыл глаза и прыгнул.

1

Тайное убежище

Амстердам, Нидерланды, 1932 год

– Ах ты, мелкий говнюк! Я знаю, что ты здесь, паразит!

Вим услышал, что шаги приближаются. Он спрятал лицо в коленях и крепко зажал нос, чтобы не расчихаться от огромного количества пыли. Он надежно спрятался за стиральной доской. Доска толщиной в полсантиметра укрывала его от чужих глаз – и от трепки. И для этого ничего не было нужно. Отчим, как это часто бывало, был мертвецки пьян, а в таком состоянии ему всегда хотелось выплеснуть свою злобу и ненависть на своего девятилетнего пасынка.

– Выходи, паразит, и ты увидишь, что с тобой будет!

Вим слышал тяжелое дыхание своего мучителя. Сквозь узкую щель в стиральной доске он видел, что отчим стоит совсем близко. Хендрику Алозерии приходилось упираться обеими руками, чтобы не упасть. Левой рукой он схватился за стиральную доску, а правой все еще держался за ручку двери.

В эту субботу Вим играл в маленькой кухне и вдруг услышал, как открывается входная дверь. По нетвердым шагам на лестнице он сразу же понял, что нужно прятаться.

– Быстро уходи отсюда, – шепнула мать.

Он кинулся по лестнице на чердак. Он осторожно ступил на узкую балку под стропилами и принялся считать шаги. Через двадцать пять шагов он оказался за стиральной доской. Дорогу к лучшему убежищу он мог найти даже в крошечной темноте. Места здесь хватало, чтобы сидеть съежившись и затаив дыхание ждать, когда отчим начнет розыски.

– Маленький говнюк!

От излюбленного ругательства Алозерия Вим содрогнулся всем своим худеньким телом, но лишь на мгновение. Времена, когда он дрожал как лист, остались в далеком прошлом. И все же он порой просыпался посреди ночи весь в поту, когда ему снилось, что отчим поймал его и задал трепку.

Он видел, как тонкие губы Алозерия дрожат от ярости. Длинное лицо, лысая загорелая макушка, выпученные светлые глаза. Уши у отчима были такими огромными, что даже в такой страшный момент Вим не смог удержаться от улыбки. Он был по-настоящему счастлив, что Алозерий – не его настоящий отец, что он пойдет по жизни с обычными, нормальными ушами другого мужчины. А еще у него были красивые вьющиеся волосы, четко прорисованные брови и плутоватая усмешка, которая, несмотря на юный возраст, уже сделала его очень популярным у местных девчонок.

Алозерий отправился искать пасынка в спальне, напротив ванной комнаты. В спальне стояла кровать старшей сестры Вима, Джо, а другую Вим делил со сводным братом, Хенком. Не найдя пасынка и в спальне, Алозерий, непрерывно сыпля

ругательствами, зашагал к себе, чтобы рухнуть и захрапеть. Вим слышал, как он, шаркая ногами, направляется к лестнице и медленно спускается. По крайней мере, сегодня он не так пьян, как несколько дней назад, когда пересчитал все ступеньки собственной задницей.

Семья жила в маленькой квартирке в доме 78 по Кляйне Каттенбургерстраат. Ничего просторного или роскошного, хотя в сравнении с большинством других детей этого маленького острова в восточной части Амстердама Виму было не на что жаловаться. Его приятель Пит Клавер, живший неподалеку, делил спальню с четырьмя братьями. Отец их погиб в результате несчастного случая в порту, и теперь семья жила на пособие. Им помогали соседи, мать и мальчишки брались за любую мелкую работу и худо-бедно выживали. За квартиру они платили всего 1,75 гульдена в неделю – вот почему им пришлось поселиться на острове.

В маленьком доме Вима дети слышали все. Внутренние стены были тоньше несущих, да и несущие были всего в семь сантиметров толщиной. Зимой на внутренней стороне окон намерзал толстый слой льда. А когда дул восточный ветер, сквозь все поры фасада проникал ледяной холод. Когда температура на улице падала ниже нуля, в спальне было ненамного теплее.

Отчим Вима получал зарплату по субботам. Он работал на стройке, и ему платили 17 гульденов в неделю. За эти

деньги он работал шесть дней в неделю по десять часов в день, таскал по строительным лесам мешки с цементом и стройматериалами. Когда в субботу рабочая неделя заканчивалась, он шел прямо в кафе «Ньиве Анлег» на углу Кляйн-нестраат и Маринирспляйн, а домой возвращался лишь через несколько часов.

Не всегда это заканчивалось хорошо. Несколько месяцев назад дети с матерью сидели вокруг парафиновой печи на кухне и вдруг услышали, как открылась входная дверь, а потом раздался громкий, резкий удар, словно упало что-то тяжелое. Мать Вима кинулась вниз и обнаружила Алозерия в странной позе. Он лежал на почти вертикальной лестнице мертвецки пьяный. Мать потащила его вверх по лестнице – невероятно, что ей это удалось. Она громко ругала мужа, чтобы тот очнулся. Наверху она втащила его в спальню, обшарила его карманы и забрала последние несколько гульденов, оставшихся от зарплаты, – этого едва хватало на оплату жилья. Женщина горько разрыдалась. Дети молчали, не зная, что делать.

Через десять минут мать собралась с духом и отправила Джо к молочнику, занять немного денег. Джо вернулась с шестью гульденами. Вид у нее был самый несчастный. Эти шесть гульденов матери придется вернуть как можно быстрее. Хоть бы Алозерий не пропил свою зарплату.

Виму приходилось гораздо хуже, когда отчим возвращался домой просто пьяным, а не бесчувственным. Спиртное

делало его агрессивным, и он не всегда сразу же падал в постель и засыпал. В такие моменты убежище за стиральной доской было единственным спасением Вима. А иногда он просто убегал из дома, бродил по островам вместе с Питом, играл в камешки с мальчишками с соседнего острова Виттенбург или злил хромого зеленщика с Остенбургерграхт, непрерывно звоня ему в дверь.

До переезда на остров они снимали красивый новый дом на Ван Спилбергенстраат, на другом конце города. Вим никогда не понимал, почему его мать вышла замуж за Хендрика Алозерия с Каттенбурга.

– Я твой отец, – сказал он Виму при первой встрече, чтобы наладить отношения с мальчишкой.

– Ты не мой отец, – огрызнулся Вим.

Станный человек посмотрел на мальчишку по-дружески. Он нашарил в кармане мелкую монетку и попытался всунуть ее в маленький кулак. Глаза Вима зло блеснули.

– Мне не нужны твои деньги – и ты не мой отец!

Он развернулся, выбежал на улицу и уселся на тротуаре. Вим никогда не видел своего настоящего отца – тот умер от какой-то легочной болезни незадолго до его рождения. Джо уже сказала ему, что их мать встречается с другим мужчиной. Вим и сам об этом догадывался. Обычно их семья редко ходила в церковь, но в последние полгода они стали бывать в церкви почти каждую неделю. В церковь Святой Анны на Виттенбургерграхт с чудесными витражами, почти

такими же высокими, как деревья у церкви. Когда месса кончалась, к матери подходил лысый мужчина с загорелой макушкой и светлыми глазами, тот самый, который только что назвал себя его отцом.

Вим так задумался, что не заметил, как рядом села сестра. Джо была на год старше него, но они были неразлучны. Мать всегда следила за тем, чтобы Джо была аккуратно одета – белое платье, белая лента в темных волосах. Вим не знал, как ей это удавалось, но за гроши, что у нее были, мать всегда умела сделать из дочери куклу. Вим любил Джо и страшно гордился тем, что он – ее младший брат. И что у них общий отец. После школы они все время проводили вместе, и у них не было секретов друг от друга – только о тайном убежище под крышей Вим не рассказывал.

Жизнь на острове Каттенбург

Амстердам, 1935 год

Во второй половине XVII века в восточной части Амстердама построили три острова на реке Эй: самый западный – Каттенбург, а прямо за ним Виттенбург и Остенбург. С востока от порта их отделяла Улица Петра Первого, Царпетерстраат. Жители маленьких, зачастую ветхих домов гордились своим районом. Себя они называли «островитянами».

В этом районе жили кораблестроители. Когда-то на огромных верфях строили сотни судов для голландской Ост-Индской компании. Морской склад находился совсем рядом с Каттенбургом. Некогда эта крепость играла важную роль в жизни Амстердама. Кафе «Золотая голова» граничило с Морской площадью, Маринирспляйн. Здесь жили начальники множества корабельных компаний. Их дома совсем не походили на лачуги рабочих. Тем не менее чем беднее были жители Каттенбурга, тем больше гордились они своей частью острова. Зависть была им чужда. Чувство принадлежности побеждало неравенство в доходах.

В этом тесном мирке у Вима не было друзей, но там жили многочисленные его тетушки и дядюшки. В тяжелые времена они помогали друг другу. Вим убедился в этом, когда их

мать, которая почти никогда не болела, зимой 1935 года свалилась с высокой температурой. Как всегда, весь район пришел ей на помощь. Мясник Адольфс в воскресенье принес жареный бифштекс – настоящее мясо, которого они никогда не ели. Когда им хватало денег на маленький кусок мяса, мать всегда покупала конину – подешевле.

На Каттенбурге всегда кипела жизнь. Торговцы продавали вещи прямо с велосипедов и громко расхваливали свой товар. Матери высовывались из окон, чтобы развесить постиранное белье и присмотреть за детьми. Матросы в отпуске и докеры, у которых было мало денег и еще меньше занятий, заполняли улицы острова, соединенного с остальными районами Амстердама многочисленными мостами. Вим шакалил везде, где удавалось: зеленщик угощал его яблоком, мясник отрезал кусочек ветчины – там он особенно любил бывать. За несколько центов у бакалейщика на углу Твейде Каттенбургердварстраат, совсем недалеко от их дома, можно было купить целый пакет сладостей. Сладости он приберегал для воскресных прогулок с Джо. После церкви они обычно съедали по паре сэндвичей дома, а потом отправлялись куда глаза глядят. Куда угодно, лишь бы выбраться из дома.

* * *

Мать Вима выросла в оживленном историческом городе Маастрихт на юге Нидерландов. Она почти избавилась от ак-

цента – он проявлялся, лишь когда она уставала. Детство ее было нелегким. После смерти матери ее забрали монахини, а когда ей исполнилось восемнадцать, ее без предупреждения выставили из монастыря.

Идти ей было некуда, и она обратилась к сестре матери, тетушке Тоос. Тетушка ее приютила, но через несколько недель выставила из дома. Муж тетушки, которому было почти шестьдесят, быстро положил глаз на молоденькую племянницу. Мать Вима скиталась, пока не добралась до Роттердама, где поселилась у своего приятеля, Джоханнеса Вейманса, настоящего отца Вима.

Когда Хендрик Алозерий женился на ней, он усыновил Вима и его младшего сводного брата Хенка, и с того времени они стали носить одну фамилию. А вот Джо он не удочерил, решив, что это ему не подходит.

Виму и Джо не было дела до Хенка. Для них он не представлял интереса, а мать никогда не рассказывала им, кто его отец. Раньше, когда они жили на Да Костакаде на западе Амстердама, а Виму было три или четыре года, мать сдавала комнаты, чтобы свести концы с концами. У них жили разные люди, и Хенк появился как раз в то время.

Хенк был настоящей занозой в заднице, особенно для Джо. По субботам они мылись в большой цинковой ванне, которую ставили на плитку за домом. На троих у них было всего одно полотенце, а Хенк всегда хотел мыться первым – в теплой и чистой воде. Вытершись, он «случайно» ро-

нял полотенце в ванну, и Джо и Виму приходилось ломать голову, как вытереться. Зимой мытье превращалось в настоящую пытку, потому что невозможно было войти в дом голым и мокрым, не наравшись на скандал. Потом мать надрала Хенку уши и положила конец этим безобразиям, но тот быстро придумал что-то новенькое.

Вот так шла жизнь на Каттенбурге. Для Вима это было вполне беззаботное время. Он научился держаться подальше от отчима. Привык быть невидимкой. Он двигался как тень, за обедом держал рот на замке, притворяясь, что его здесь нет. Но постоянно был начеку, чтобы не нарваться на затрепщину или подзатыльник.

Как-то летом в воскресенье руки Хендрика Алозерия в очередной раз зачесались. Они только что вернулись домой с утренней службы в церкви Святой Анны. Вим и Джо немного задержались; сначала они хотели пройтись перед передними скамьями, которые занимали более состоятельные прихожане. Иногда там можно было найти мелочь – монетки предназначались для церкви, но падали, и их не всегда подбирали. Они нашли два цента – достаточно, чтобы купить сладостей для прогулки. Через несколько минут алтарник выгнал их из церкви, но монетки уже лежали в их карманах.

За обедом Вим заработал пару подзатыльников, прежде чем получил первый сэндвич. Первый – за то, что громко чавкал, а второй – за то, что схватил что-то, не спросив раз-

решения. Когда Вим потянулся за третьим сэндвичем, Алозерий рывкнул:

– Ты не обожрешься?

Со злобной гримасой он указал наверх, где находился туалет. Вим, не глядя на отчима, продолжал есть.

Как только стало можно, они с Джо выскочили из-за стола. Они задумали долгую прогулку, подальше от дома.

– На озеро? – предложила Джо.

– Отлично! Погуляем по пляжу!

Там всегда можно было встретить симпатичных девчонок, хотя Вим в этом и не признавался. Ему было уже двенадцать, и он стал грозой девичьих сердец. Девчонки вешались ему на шею, стоило ему начать рассказывать о своих приключениях. И их не волновало, что все это происходило на крохотном клочке земли на этих же островах.

Вим и Джо устроились в отличном месте. На пляже, прямо за городом, они сгрызли прихваченные сладости. Чуть дальше в воду текли нечистоты из канализационной трубы.

Ветер дул не с той стороны, и народу на пляже было немного. Когда ветер и течение позволяли, на пляже можно было купаться и грести совершенно бесплатно, а вот пяти-центовый пляж на озере Ньиве-Дип гордился своей репутацией. Там детям ничего не обломилось бы.

Но вонь стала невыносимой, а вода потемнела от нечистот. Через десять минут брат с сестрой собрали вещички и пошагали назад. Домой им идти не хотелось. Они шагали

вдоль реки Эй, забыв обо всем на свете. Через несколько часов они увидели вдали Хембруг, перекинутый через канал Северного моря. Они уселись у воды и стали смотреть, как по мосту туда и сюда катятся поезда между Амстердамом и Заандамом. Они устали после долгой прогулки. К тому же было очень жарко и душно. Прикончив последние сладости, они улеглись на траву, закрыли глаза – и заснули.

Когда Вим проснулся, он не сразу понял, сколько времени. Солнце стояло уже довольно низко. Он растолкал сестру.

– Мама будет волноваться, – сказала она. – А у тебя рубашка вся в траве.

Вим вытряс траву и мох из своей воскресной матроски, и они пошагали домой. Вернулись на Кляйне Каттенбургер-страат они чуть ли не в час ночи. Около их дома стояли человек двадцать, но мать они разглядели, только подойдя совсем близко. Она была такой маленькой, что за возбужденными соседями ее не было видно. Глаза ее были заплаканы. Она крепко обняла детей.

– Я думала, с вами что-то случилось, – шепнула она на ухо Джо.

– Ничего не случилось. Мы ушли к Хембругу и уснули там на траве.

– К Хембругу?! Но это же в пяти милях отсюда!

Соседи разошлись по домам. Для многих из них прошла добрая половина ночи – в шесть утра им нужно было вставать. Хендрик Алозерий ничего не заметил – он, как обычно,

улегся спать в девять часов, словно ничего не случилось.

* * *

Через несколько дней Вим заболел. Он стал белым как бумага и стонал от мучительной боли в животе. Что бы мать ему ни давала, ничего не помогало. Он не мог идти в школу и два дня провел в постели. Отчаявшись, мать поехала на трамвае в город, на элегантную Плантаж-Мидденлан, где жил доктор Дасберг. У этого еврейского врача лечились состоятельные жители Амстердама, но он принимал и бедных пациентов. Мать уже обращалась к нему, когда была замужем за отцом Вима.

На доктора Дасберга всегда можно было положиться. Он пообещал заехать после приема основных пациентов. Поговорив с Вимом, которому особо нечего было сказать, Дасберг прощупал его живот.

– Аппендицит, – сурово сказал он, достал из коричневого кожаного саквояжа маленький флакон с таблетками и протянул матери.

Еще он написал бумагу, чтобы Вима взяли в больницу. Через час Дасберг вернулся, чтобы убедиться, что диагноз был верен.

– Я на девяносто девять процентов уверен, что дело в аппендиксе, – сказал он. – Нужна операция, но через неделю-другую ты будешь в полном порядке.

Доктор пожал Виму руку и потрепал по голове. Через две недели Вим уже снова играл с местными мальчишками на Каттенбургерпляйн, словно ничего и не случилось. В точности как говорил Дасберг.

Удивительно, но в этот момент Алозерий проявил свои человеческие качества. Он навещал Вима в больнице, приносил ему фрукты и хлеб с джемом, который Вим обожал. Но мальчик не доверял отчиму. Всего за месяц до болезни Алозерий сбросил Вима с лестницы. Мальчишка был покрыт синяками и ссадинами, а правая рука почти не работала. Может быть, отчим испытывал угрызения совести? Хотя он вряд ли помнил, что случилось.

3

Открытый гроб

Амстердам, 1937 год

Живот матери постепенно рос. Ей было уже почти сорок, а Виму почти четырнадцать. В доме Алозерия не говорили о птичках и пчелах, а когда мать заговаривала про аиста, Вим и Джо просто переглядывались. Они уже давно нашли в материнской спальне особую книгу и все знали.

И все же это было интересно. Когда родится их маленький брат или сестра? Вим отлично понимал, что с рождением этого ребенка пропасть между ним и отчимом станет еще шире. Это же будет настоящий ребенок Хендрика Алозерия.

Мать Хендрика тоже ждала рождения этого ребенка. Бабушка жила на Каттенбургерстраат и питала нежность к Виму. Только ему она подсовывала что-то тайком, когда дети ее навещали. Ни Хенку, ни Джо ничего не перепадало. Бабушка поднимала верхнюю юбку и доставала из кармана на нижней юбке пенни. Джо бабушку не любила и даже побаивалась, но Вим любил пить у нее чай – так он мог побыть подальше от ее сына, который с каждым днем становился все злее.

Из бабушкиной гостиной на третьем этаже виден был вход в морской склад на Каттенбургерстраат. Вход охраняли солдаты. Бабушка всегда показывала ему украшения

на надвратной башне, в большом алькове, устремленном вверх. Эти ворота построили в XVII веке – бабушка говорила об этом так, словно сама была тому свидетелем.

Как-то в апреле Вим только что получил пенни от бабушки, и вдруг его охватило неприятное чувство. Он простился и побежал вниз по лестнице. Ужин уже, наверное, готов. Он осторожно пробирался между маленькими грузовичками, матерями с колясками и торговцами с их повозками. Через пять минут он был дома. И здесь его ждал сюрприз. Матери не было. Джо сказала, что ее забрали в больницу. Что-то с животом. Алозерий тоже уехал. Они поужинали у тети Сьян, где их уже ждали.

Примерно в восемь вечера отчим вернулся – возбужденный, с блестящими глазами. Он был полон сил и, на удивление, трезв.

– У меня сын! Сын! – кричал он. – Собирайтесь, уходим!

Вим еле успел поблагодарить тетю Сьян, и они убежали, а соседка с улыбкой смотрела им вслед, качая головой.

Мать лежала в больнице Вильгельмины Гастхейс. Когда Вим увидел ее смертельно бледное лицо, он испугался. Она не была похожа на ту бодрую, полную сил женщину, которая еще утром провожала его в школу. Роды оказались очень тяжелыми, и мать стала совсем другим человеком. На ее животе лежало крохотное существо, завернутое в белые пеленки с бежевой каймой.

– Бертус, – с гордостью объявил Алозерий.

Вим не знал, смотреть ли на мать или на младенца. Младший сводный брат смотрел на него крохотными слезящимися глазами. Виму это показалось забавно, но он не осмелился взять младенца на руки. В палате чем-то резко пахло. Вим не понимал, что это, но у него закружилась голова. Через пять минут ему захотелось уйти. На щеке Бертуса он заметил родинку. Джо пришла через час. В свои шестнадцать она уже была молодой женщиной и не могла остаться равнодушной к этой трогательной сцене. А вот Вим был рад уйти. Он шагал по бесконечным белым коридорам к выходу, бормоча под нос: «Бертус... Бертус...»

Мать Вима была уже немолода, и восстановление после родов затянулось. Из больницы она вернулась лишь через три недели. В тот же вечер к ним пришел почтенный Бруссел – навестить мать и ребенка и отпраздновать это событие с отцом. Бруссел не первый раз был у них дома и отлично знал, что у Алозерия всегда припрятана бутылочка. Раньше Джо любила сидеть на коленях священника, но теперь ей было шестнадцать, и она старалась избегать его. Джо спряталась за дверями кухни, но пристально наблюдала за мужчинами, сидевшими в гостиной. Алозерий надеялся получить финансовую помощь от церкви, и он с интересом смотрел на священника.

– Она поправляется, – сказал он, – но ей не помешал бы

добрый кусок говядины.

– Говядины? Боюсь, ей удастся только посмотреть на мясо, – ответил священник и налил себе еще.

Для Джо слова Бруссела стали настоящей пощечиной. Она поняла, что между братской любовью, о которой священники говорят в церкви, и реальными их делами есть огромная разница. Мать окрестила их с Вимом, когда они были совсем маленькими. Конфирмацию они тоже прошли, но теперь Джо совсем не хотелось ходить в церковь. И слова священника лишний раз ее в этом убедили.

Вим незамеченным выскользнул из дома и вернулся с корзиной угля. В гостинной он подбросил угля в печь. По дому он двигался как тень. После этого он поднялся наверх, к матери.

Алозерий недолго радовался появлению своего единственного сына. Он быстро вернулся к прежнему пьянству, и поведение его стало еще более непредсказуемым. Он по-прежнему возвращался домой пьяный, пропивал большую часть зарплаты, а однажды даже приехал домой на такси, потратив на это кучу денег. Протрезвев на следующее утро, он полчаса орал:

– Где мой кошелек?

Он наверняка оставил его в машине, но, конечно же, не хотел в этом признаться. С диким взглядом он вошел в гостиную, подошел к раскаленной печи и собирался схватиться за нее голыми руками. Мать Вима отбросила вязание,

вскочила и схватила мужа как раз вовремя.

– Ты что делаешь?! Ты же обожжешься!

Алозерий вздрогнул и медленно осел на пол. Через несколько минут он поднялся на ноги и побрел в кухню, что-то бормоча под нос. Мать Вима осталась в гостиной, не зная, что думать.

В последующие месяцы поведение Алозерия стало очень странным. Мать Вима уже несколько раз вызывала к нему доктора Дасберга. Тот осмотрел отчима и дал направление в больницу. Единственное, что могла сказать мать, так это то, что пьянство его погубило. На тумбочке у ее постели лежала карточка с телефоном больницы – туда следовало позвонить, если положение мужа окончательно ухудшится.

Долго ждать не пришлось. Приближалась зима. Ледяные осенние ветра насквозь продували ветхие дома на острове. К счастью, ветер дул с востока, и в гостиной дома тети Сьян было тепло. А вот спальня на третьем этаже нависала над улицей и продувалась насквозь. Виму казалось, что в доме дует так же, как на улице, и он закутался в одеяло с головой. Хенк уже спал, Джо собиралась ложиться.

Неожиданно они услышали дикий крик матери. Джо уже ложилась, Хенк продолжал посапывать. Брат и сестра бросились вниз со всех ног и увидели, как их мать, прижав к груди Бертуса, оттаскивает отчима от открытого окна. В комнате выл ветер. Мать левой рукой захлопнула окно. Алозерий был словно в трансе. Он что-то бормотал и прошел мимо них,

не узнав.

– Все, пора звонить, – на удивление спокойно сказала мать. – Джо, присмотришь за Бертусом? Отец хотел выбросить его из окна – я еле-еле успела его остановить.

Вим и Джо неверяще смотрели на мать. У них не было слов. У соседей снизу был телефон. Крик матери их разбудил, и они открыли дверь. Мать поспешила вниз, а Вим и Джо остались ждать ее в гостиной.

Через несколько минут раздался дикий крик, но на этот раз это был крик ярости. Мать выскочила из дома Тикенсов, выкрикивая имя мужа. Алозерий снова открыл окно спальни, спустил брюки и начал мочиться прямо на улицу.

Ей удалось его успокоить, и она сидела с ним, пока через четверть часа за ним не приехали из больницы. Его поместили в третье психиатрическое отделение – «корзину для психов».

Через четыре недели Хендрик Алозерий лежал в гостиной в открытом гробу. Голова его была в повязках – об этом Виму рассказала Джо. Мальчика не пустили к покойному, да он и сам не хотел. Все в доме испытали облегчение. Ни печали, ни эмоций, ни душераздирающих сцен. Все было правильно.

Одинокой матери с четырьмя детьми пришлось нелегко. Ни работы, ни денег, ни здоровья. Мать была слишком слаба даже для того, чтобы шить на ножной машинке, поэтому Джо часто не могла гулять и играть – ей нужно было помогать матери шить подгузники для сводного брата. Но эта работа

ей по-настоящему нравилась – ведь теперь она вырвалась из-под ярма отчима.

Но легче всего стало Виму. После школы он отправился играть с Питом, чтобы не видеть гроба. Отчим наконец-то умер, но даже теперь Вим предпочитал держаться от него подальше. Через неделю все забылось, и в доме воцарился покой.

Мать много раз общалась с работниками социальной службы. В их доме то и дело появлялись странные люди. Один мужчина поднялся прямо наверх и стал копать в их шкафах, чтобы понять, не слишком ли у них много вещей, чтобы претендовать на пособие. Его называли «смотрителем бедных».

В конце концов мать стала получать пятнадцать гульденов в неделю и специальные купоны от муниципалитета Амстердама. Виму не все нравилось. Одежда, которую приходилось носить, была ему ненавистна.

Они не могли выбирать одежду. Матери выдавали купоны в единственный магазин на Принсенграхт в самом центре города, и вся эта улица отлично видела, откуда взялась новая одежда Вима. Вим пытался замаскировать ее другой одеждой, но в школе все понимали, стоило лишь посмотреть на его черные гетры с двумя красными полосками. Вим чувствовал, что его заклеямили.

К счастью, в классе он был не единственным. Многие мужчины лишились работы и оказались на пособии от госу-

дарства. У этого положения были свои преимущества. Виму и еще пятнадцати его одноклассникам позволялось спускаться в школьный подвал. Свет там был таким тусклым, что он видел лишь мальчика, который стоял в очереди прямо перед ним. Здесь детям из бедных семей выдавали овсянку на пахте, обезжиренных сливок. У Вима была собственная маленькая эмалированная миска; на дне он выцарапал свои инициалы. Вот так он, в одежде из магазина для бедных, стоял в очереди, держа миску в руке и дожидаясь нескольких ложек каши.

Мать переживала трудные времена отважно. Она почувствовала себя лучше, и ее прежнее обаяние отчасти вернулось. Но это продлилось недолго. На нее вскоре положил глаз брат Алозерия, дядя Гус.

Как-то раз во время обеда в кухне мать откашлялась и сказала:

– Мы уезжаем.

Дети непонимающе смотрели на нее.

– Мы уезжаем с Каттенбурга. Я не хочу иметь ничего общего с семьей вашего отчима. Я поищу маленький домик близ Остерпарка. У меня есть там знакомые – я жила там до встречи с ним.

4

Тяжело в работе

Амстердам, 1938–1940 годы

Семья переехала в дом 103 по Твейде Остерпаркстрат. Квартира по-прежнему располагалась наверху, но район был намного лучше. Прямо за углом располагался зеленый Остерпарк. Вима все еще тянуло в Каттенбург, но времени на визиты не оставалось. По воскресеньям он иногда проходил несколько километров, чтобы побродить по улицам вместе с Питом, как в старые времена. Порой он заглядывал к бабушке, которая никак не могла пережить трагическую смерть сына. Выпив чаю у бабушки, он рассказывал каттенбургским приятелям о своей первой работе – он стал помощником продавца обоев на фабрике «Рат и Додхефвер».

Бизнес быстро расширился, фабрике нужны были люди, а Вим увидел объявление в газете. Он был полон энтузиазма и энергии и быстро получил работу в отделе рекламы, где работал шесть дней в неделю. Каждый день он отправлялся во «Дворец обоев», элегантный офис на Принсенграхт.

Вим быстро во всем разобрался. Он сортировал образцы обоев для альбомов, которые отправлялись с фабрики на Дуйвендрехтсекаде в главный офис. Больше всего ему нравилось ездить вместе с торговцами к клиентам по все-

му Амстердаму. Вим тащил тяжелые альбомы с образцами. Он носил красивые брюки и пиджак – свою гордость и радость. Эту одежду он тщательно берег.

Когда ему позволяли бывать на фабрике, он всегда надевал что-то старое, хотя и перестал носить гетры из магазина для бедных. В неделю он зарабатывал три гульдена и 30 центов оставлял себе, а остальное отдавал матери. Мать позволяла ему покупать себе новые носки.

Вим был рад получить такую отличную работу. Джо зарабатывала в неделю всего 2,5 гульдена, а работать ей приходилось гораздо тяжелее. Она нашла место в доме профессора с семью детьми и чаще всего работала на кухне. Она готовила еду, убиралась и присматривала за детьми после уроков. Чистя картошку, она мечтала о том, как станет акушеркой и будет встречать младенцев в новом мире. Но крики детей быстро возвращали ее в суровую реальность. Мать оставляла ей двадцать пять центов из заработанного.

Когда Виму исполнилось шестнадцать, ему разрешили пойти в класс танцев. Он давно об этом мечтал и вычеркивал дни из старого школьного блокнота. Теперь каждую субботу он отправлялся на танцы с тем же пылом, что и на работу. Домой он часто возвращался с шоколадками и делился ими с братьями и сестрой. Шоколадки ему в карман совала одна из партнерш, чтобы заполучить его только для себя.

Свои романы он обсуждал с Джо. Между ними по-преж-

нему не было секретов, хотя она уже несколько месяцев с кем-то встречалась. Вим учил сестру новым танцам со своих уроков. Он терпеливо показывал ей новые шаги в гостиной, а Джо повторяла вслед за ним. Так они вдвоем учились танцам по цене одного.

Матери нравилось наблюдать за их воскресным ритуалом. Она гордилась своими детьми и была счастлива, что они избавились от Алозерия. Ей даже не приходилось быть строгой – дети отлично знали, что можно, а чего нельзя. Единственное, в чем она их поправляла, так это в амстердамском сленге.

– Скажи все на нормальном голландском, – тут же поправляла она.

После урока танцев с сестрой Вим, Хенк и мать шли в церковь, а Джо оставалась дома присматривать за Бертусом. Обычно Вим не слушал пастора. Он скользил взглядом по скамьям и проходам, где всегда сидели его партнерши по танцам и другие девушки. Большинство из них он знал хотя бы по именам. Когда их взгляды встречались, Вим обещающе улыбался. Он был всегда аккуратно и красиво одет и производил хорошее впечатление. Все считали его достойным и благочестивым юношей.

У них частенько стал бывать приятель Джо, Йоп Плуг. Чаще всего он приезжал по выходным, потому что жил довольно далеко, в городе Хорн во Фрисландии¹. Джо позна-

¹ Фрисландия, также Фризия – провинция на севере Нидерландов. На терри-

комилась с ним на кухне профессорского дома, куда он доставлял продукты. Вместе со своим приятелем Гером Йоп закупал фрукты и овощи в деревнях к северу от Амстердама и доставлял их состоятельным горожанам на конной повозке. Виму этот парень нравился – он был исключительно честен и добр. Но он чувствовал, что постепенно теряет сестру. Впрочем, быстро позабыл об этом, потому что у него было достаточно собственных дел.

Перед ним открылась замечательная возможность. Десять лет он ходил в лавку мясника Адольфса. Он рос на глазах у мясника, и тот относился к нему по-доброму. Адольфс частенько отрезал ему лишний кусок колбасы, а то и давал мясо для семьи. Хотя теперь он жил в получасе ходьбы, Вим частенько заглядывал к мяснику поболтать и рассказать о матери.

На этот раз Адольфс попросил его задержаться, пока он не закроет лавку. Вим терпеливо ждал, гадая, что хочет сказать ему мясник.

– Тебе нравится работать на фабрике обоев, Вим? – спросил мясник, еще не сняв шапочку и белый фартук.

Вим стал рассказывать мяснику о своей работе, коллегах и поездках. Но Адольфс нетерпеливо перебил его:

– А ты никогда не думал о мясницкой лавке? Я хочу открыть вторую лавку, но сам не могу – мне нужен помощник. Тебе шестнадцать. Тебя еще многому надо учить, но я знаю,

что ты трудолюбив и умен. На это уйдет несколько лет, но если ты станешь моим учеником, то скоро сможешь открыть свой магазин возле Остерпарка. Я тебе помогу. И со временем ты будешь зарабатывать со мной столько же, сколько на своей фабрике.

Вим просиял. Собственная лавка, мясницкая лавка, Адольфс готов ему помочь – эти слова звучали музыкой для его ушей.

– Мне нужно обсудить это с матерью, господин Адольфс, – сказал он. – Но большое спасибо за предложение.

– Да, конечно, поговори с матерью и скажи, что я загляну к ней рассказать о своих планах – о, прости, о *наших* планах.

Через два месяца, 1 марта 1939 года, Вим стал учеником Адольфса. Он сразу почувствовал себя как дома. Большинство покупателей он отлично знал. Начальник его был человеком строгим, но справедливым. Хотя приходилось нелегко, но Вим скоро стал зарабатывать на гульден больше, чем на фабрике. Детей у Адольфса не было, и к Виму он относился как к собственному сыну. Ему нравилось все объяснять и показывать своему ученику.

Как-то летним воскресеньем Адольфс пригласил Вима на свою лодку, чтобы показать центр Амстердама с воды. Вим был очарован совершенно иным видом знакомого города. Выйдя на берег, он спросил у Адольфса о старых лод-

ках, причаленных в ряд.

– Двадцать гульденов, и любая будет твоей, – ответил мясник. – Но тебе придется самому ее чинить.

– Я никогда не смогу себе этого позволить, – приуныл Вим.

– Знаешь что? Я одолжу тебе деньги. Без процентов. Будешь отдавать мне по гульдену в неделю.

* * *

Теперь по выходным Вим каждую свободную минуту посвящал своей лодке. Работал он на задворках конюшен пивоварни «Амстел». Здесь тягловых лошадей с мощными ногами чистили и готовили к поездкам по местным кафе. Вим частенько болтал с кучерами, которые забирали своих лошадей из конюшен. Иногда, когда поездка была короткой, ему позволяли прокатиться. Кучера были люди могучие, в кожаных фартуках, почти такие же крепкие, как их лошади. Такими они и должны были быть – ведь им предстояло вручную разгружать здоровенные бочки с пивом. В кафе на пол, туда, где тяжелая бочка соприкасалась с полом, подкладывали небольшую подушку, чтобы бочка не разбилась. Как только ее подключали к крану, кучеру и его временному помощнику наливали по небольшой кружке. Так Вим впервые попробовал пиво.

Четыре недели Вим все выходные драил шкуркой, зако-

нопачивал щели, красил и снова проходился шкуркой. И вот наконец лодка была готова. Старая лодка, покрытая отслаивающейся коричневой краской, превратилась в ярко-красную лодочку с гордой белой надписью: «ВИМ».

Дома все чаще говорили о возможной войне. Мать говорила, что Гитлеру нельзя доверять. И она не удивится, если Нидерланды станут его следующей жертвой. В апреле 1940 года немцы взяли Австрию, Чехословакию и Польшу.

За ужином Вим рассказывал услышанное в мясницкой лавке в Каттенбурге. Восемнадцатилетних мальчишек призывали одного за другим. Перед уходом матери покупали им хорошее мясо, и Вим точно знал, кого призвали в армию. С этими парнями он учился и бродил по улицам в поисках приключений. Многих он знал лучше, чем собственных братьев. И это его тревожило. Через год ему тоже будет восемнадцать. Мысль о том, что лавку и блестящее будущее ученика мясника придется сменить на армейскую форму, была для него ненавистна.

5

Война

Амстердам, 1940–1942 годы

Хотя Гитлер обещал уважать нейтралитет Нидерландов, 10 мая 1940 года нацисты вторглись на территорию страны. Обещание Гитлера оказалось пустыми словами. Крупный портовый город Роттердам, расположенный всего в 60 км южнее Амстердама, был стерт с лица земли, и через пять дней голландцы сдались. Первые месяцы оккупации Вим почти не заметил. Армия вермахта захватила Амстердам без тяжелых боев, и летом для Вима почти ничего не изменилось. Он целыми днями работал в лавке, потом шел домой. Все оставалось как прежде. Изменилось лишь одно: теперь мать всеми фибрами души ненавидела и проклинала немцев. Вим никогда не знал, что она на это способна. Случайно она обмолвилась, что в детские годы в Маастрихте постоянно общалась с немцами и довольно хорошо знала немецкий язык. Но больше она ничего не говорила – и Вим так и не знал, что же там произошло.

Впрочем, у семьи было достаточно еды. Кроме того, Вим частенько мог прихватить из лавки кусок мяса. Сахар и бобы выдавали по карточкам еще до войны, во время оккупации количество таких продуктов увеличилось. Сначала до-

бавились кофе, чай и хлеб. Но начиная с сентября 1940 года все покупатели в Каттенбурге приходили к мяснику не только с деньгами, но еще и с карточками. Адольфс страшно злился и постоянно ворчал. Он был принципиально против «этих чертовых карточек» и ненавидел всю систему управления, что стояла за ними. Впрочем, сделать он ничего не мог, и приходилось мириться с тем, что есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.